

ИНТЕРВЬЮ С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦИК КПрФ, ДЕПУТАТОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А.А. ШАБАНОВЫМ

В. Филиппов. *Александр Александрович! Я традиционно начинаю свои интервью с вопроса, который, как мне кажется, можно считать ключевым для понимания современной этнополитической ситуации в России, а именно: является ли сочетание национально-государственного и административно-территориального принципов построения Федерации оптимальным, или имеет смысл унифицировать статус и права ее субъектов?*

А. Шабанов. Самым оптимальным принципом жизнеустройства в многонациональном государстве мне представляется такой: союз территорий и семья народов. Исходя из этого и надо выстраивать законодательные, правовые и федеративные отношения в России. Если положить в основу союз территорий, представителем каждой из которых является все ее население, сразу же потеряет смысл разговор о титульных нациях. Население, естественно, состоит из представителей разных этнических групп, разных национальностей. И они должны быть абсолютно равноправны как внутри отдельных территорий, так и в их союзе.

Однако переход к такому государственному устройству возможен только в достаточно отдаленной перспективе. Надо учитывать имеющуюся традицию: нельзя сразу отказаться от исторических названий, от республик; это было бы нерационально и неправильно. Мы ведь не можем не принимать во внимание, что в составе СССР были татарская, башкирская, марийская и другие автономии. Но надо помнить при этом, что это было другое общество и другое государство, в котором была мощная связующая сила в лице партии. Поэтому наличие автономий и даже союзных республик не угрожало целостности государства, не создавало опасности сепаратизма и межэтнических противостояний.

В нынешний же кризисный период, когда «национальные бомбы» начинают рваться на территории России, следует очень аккуратно относиться к каким-то резким переменам. Следовательно, переход к принципу административно-территориального строительства – это та перспектива, на которой должна строиться Федерация, но к ней нужно идти постепенно. Это длительный и довольно сложный процесс.

В.Ф. *Как вы считаете, россияне – это нация?*

А.Ш. Это я назвал бы какой-то наднацией или суперэтносом. В принципе суперэтносом являлся советский народ, он целенаправленно таким создавался, при сохранении культурных особенностей наций, его составлявших. О россиянах я не стал бы говорить – я говорил бы о российском народе, который в себя вобрал на протяжении веков черты многих этносов.

В.Ф. *Как вы считаете, национально-культурная автономия – это альтернатива национальной государственности или ее дополнение? Я, разумеется, имею в виду не тот эклектичный и внутренне противоречивый закон, который не так давно был принят Государственной Думой РФ, а национально-культурную автономию как идеальный конструкт, классическую бауэровскую концепцию.*

А.Ш. Институт национально-культурной автономии нам необходим, так как разделенные народы есть в рамках любых территорий России, в том числе и республик.

В идеале национально-культурная автономия должна исполнять функции просветительской гуманистической организации, которая связывает людей, ощущающих родство истории, культуры, традиций, языка и дает им возможность сохранить свои культурные ценности, в том числе язык и обучение на языке. При этом, на мой взгляд, национально-культурная автономия – не альтернатива национально-государственному устройству, она может существовать и наряду с ним, и ее надо укреплять и поддерживать.

Я считаю, что национально-культурные автономии должны быть у русских, украинцев в Казахстане, Латвии, Эстонии... Для того чтобы права их обеспечивались государством, надо заключать международные соглашения, как это делается в других странах.

В.Ф. *Ваше отношение к идеологеме «титовые нации – хозяева всех рукотворных и нерукотворных богатств на территории "своей" республики»?*

А.Ш. Прежде всего, сам термин «титовые нации» кажется мне неудачным, поскольку нация, на мой взгляд, – понятие надэтническое, метаэтническое, если угодно, и несет скорее государственно-политическую нагрузку, нежели этническую. Нация – это согражданство, а не этнонациональность: «американская нация», «российская нация»...

Что же касается вашего вопроса, то никакие этнонации никак не могут быть естественными «хозяевами» чего бы то ни было; природные богатства являются достоянием всей Федерации – всех тех, кто их нашел, кто провел разведывательные работы, кто создал технологии добычи, очистки и реализации этих природных ресурсов, тех, кто их добывает, перерабатывает и т.д.

То же можно сказать и об объектах промышленности, культуры, науки, искусства (я имею в виду библиотеки, театры, предприятия, заводы, научно-исследовательские центры, вузы) – все это создавалось руками всего населения страны. Поэтому льготы и привилегии в ходе приватизации собственности (и рукотворной, и нерукотворной), предоставляемые по этническому принципу, незаконны и недопустимы.

В.Ф. *Как вы оцениваете экономическую составляющую российской этнополитики: можно ли считать налоговые отчисления различных субъектов Федерации в федеральный бюджет и, напротив, дотации и трансферты, предоставляемые Центром регионам, разумными и справедливыми?*

А.Ш. Для меня очевидно, что эти потоки, прямые и обратные, должны быть отрегулированы по принципу экономической целесообразности. Ряд российских республик – Башкирия, Татарстан, Якутия – обладают природными богатствами. Промышленность страны, естественно, всегда концентрировалась в этих базовых регионах. А южные регионы России, обладая черноземом (кстати, тоже природным богатством), являются основой роста продовольственной мощи страны. В то же время есть немало субъектов Федерации, не располагающих собственными ресурсами, имеющих неблагоприятный климат и потому традиционно нуждающихся в дотациях. Эти региональные особенности надо учитывать, но в целом экономические отношения Центра и регионов должны строиться по единому принципу, независимо от того, каков их статус: республика, область, край и т.п. Любые попытки лоббирования, этнополитического протекционизма следует решительно пресекать.

В.Ф. *Александр Александрович! Нужно ли, на ваш взгляд, противостоять процессу так называемой коренизации государственного аппарата в «национальных» республиках, и если да, то каким образом?*

А.Ш. Вопрос непростой. Я думаю, это временная болезнь, результат всплеска государственного сепаратизма, и она скоро пройдет. Это реакция на то, что строить промышленность, науку, культуру и образование в республиках начинали русские, украинцы, белорусы, евреи, которые и до последнего времени имели там сильные позиции. Затем была поставлена задача подготовить специалистов из представителей местных национальностей. Во всех вузах Советского Союза была введена так называемая национальная квота, что позволило быстро значительно увеличить численность «национальных кадров». Сейчас главное – не допустить, чтобы квалифицированные специалисты «вымывались» из всех сфер руководства и управления. Этот перекокс вызывает волну бытового русского шовинизма, который выплескивается и за границы национальных образований. Преодолеть это можно только пониманием той истины, что сила Федерации в единстве.

В.Ф. *Как вы думаете, должен ли быть в России единый государственный язык?*

Или каждая республика должна иметь свой (свои?) государственный язык? Или таковой вообще не нужен?

А.Ш. Тот язык, который широко распространен в государстве и может выступать в роли языка межнационального общения, а русский язык таковым является, может и должен оставаться государственным (не принижая, разумеется, роли других языков). Для того чтобы претендовать на статус государственного, язык должен, кроме всего прочего, быть настолько развитым, чтобы обслуживать все сферы жизнедеятельности: науку, технику, культуру, искусство и т.п. Понятно, что не все языки удовлетворяют пока этим требованиям. Это, разумеется, не означает, что их не надо сохранять и развивать, с тем, чтобы адаптировать в конце концов к выполнению всех этих задач.

В.Ф. *Как адаптировать, вот вопрос?*

А.Ш. Это очень сложно, ведь тут играют роль и лексический состав языка, и его грамматический строй, и возможности адекватного перевода, допустим, учебников с одного языка на другой. Так или иначе придется пользоваться теми языками, которые обеспечивают доступ к знаниям.

О провозглашении языков государственными... Может быть и два, и три языка. Почему, например в Башкирии, государственными не сделать три языка: башкирский, русский и татарский? Но для этого нужны политическая воля, межнациональное согласие и взаимопонимание.

В.Ф. *Как избавиться от языкового протекционизма, позволяющего выдавливать некоренное население из наиболее престижных социально-статусных ниш?*

А.Ш. Здесь есть очень простой путь: на бытовом уровне население республик должно иметь возможность общаться с соседями, зная их язык. В сфере же управления, культуры, образования, промышленности необходимо пользоваться тем языком, который соответствует решаемым задачам. Я уже говорил выше, что уровень развития государственного языка должен быть таким, чтобы обеспечить эффективное управление и работу единого многонационального коллектива.

Преподавать надо на том языке, на котором слушают преподавателя. Есть простые подходы: можно создавать специальные группы, параллельные потоки вводить. Ведь в этом сложного ничего нет: взяли и ввели чувашский поток; преподаватели читают на этом языке, ведут семинарские занятия, выпускают адаптированные учебники для студентов. Но общедоступность образования для населения должна быть абсолютно одинаковой. Если же ситуация иная, то это уже дискриминация.

Вы правильно говорите, что, если внедряется обязательность одного языка, то, естественно, носители других языков оказываются в неравном положении. Этого допустить нельзя.

В.Ф. *Нужны какие-либо специальные федеральные законы?*

А.Ш. Зачем? У нас же есть Конституция, которая декларирует равнодоступность этих сфер. Поэтому нарушение этого принципа практически означает нарушение Конституции.

В.Ф. *К сожалению, законодательство субъектов Федерации часто находится в вопиющем противоречии с Конституцией РФ...*

А.Ш. Это общая беда всей России. Многие принятые законодательные акты и заключенные договоры о разграничении полномочий между Центром и субъектами Федерации противоречат Конституции. Во многом это обусловлено уровнем компетенции законодателей и устремлениями республиканской столичной элиты.

В.Ф. *Как вы воспринимаете процесс сближения церкви и государства в России, превращение православия в официальную идеологию, с одной стороны, и укрепление позиций ислама в ряде республик, с другой?*

А.Ш. Я против огосударствления религии в России. Церковь должна быть полностью отделена от государства, чего сейчас не существует. Надо утвердить это законодательно на всей территории страны. Свобода совести должна быть осново-

полагающим принципом прав человека. И не может быть никаких государственных религий, даже в отдельных субъектах Федерации.

В.Ф. *В чем вы видите корни ксенофобии, опасно распространяющейся в этноконтактных зонах России?*

А.Ш. В основе ксенофобии, на мой взгляд, лежит плохое знание истории, культуры и традиций братских народов. Я подчеркиваю, – братских, без всякого ерничества. Внимательное знакомство с историей не только своего, но и других, прежде всего соседних, народов способствует формированию уважительного отношения к их традициям, культуре, языку. В результате исчезает взаимное недоверие. Ксенофобия возникает тогда, когда люди не понимают друг друга, не слышат, не знают. И, конечно, тут важны нравственно-этические вопросы. Важно понимание того, что нет «хороших» или «плохих» народов, нет принципиальных различий в их представлениях о добре и зле. Даже религиозные догматы разных конфессий близки, хотя нередко предпринимаются попытки представить, например, христианство и ислам как антагонистические мировоззрения.

Е. Филиппова. *Как разрешить возникшую в результате распада СССР проблему так называемых разделенных народов?*

А.Ш. То, что случилось – большое несчастье для миллионов людей в государствах, образовавшихся на территории бывшего Союза. Необходимо осуществлять государственную протекцию и защиту в отношении людей, оказавшихся в положении национальных меньшинств. В качестве механизма такой защиты я вижу двусторонние межгосударственные соглашения, определяющие права таких людей. На мой взгляд, оптимальным решением было бы широкое введение института национально-культурной автономии, о чем я уже говорил выше. Наряду с этим следует продолжать добиваться заключения соглашений о двойном гражданстве, что создаст необходимую юридическую базу для взаимодействия государства со своей диаспорой.

Пока, к сожалению, статус и права так называемого русскоязычного населения в новых независимых государствах, равно как и положение в России представителей народов бывших советских республик, – абсолютно нерешенная проблема, а защита нужна обязательна.

Е.Ф. *На чем нужно делать акцент в миграционной политике?*

А.Ш. Была бы Россия экономически сильна сегодня, можно было бы зазывать «соотечественников» на свою территорию, причем и уговаривать бы особенно не пришлось: желающих перебраться на «историческую родину» очень много. Однако сейчас Россия не готова к этому (хотя, надеюсь, положение изменится). Пока же идет стихийная миграция, которая никем не регулируется и ничем не обеспечена. Мы даже не имеем достоверных цифр о масштабах миграционных перемещений. Ведь границы по существу открыты, и переселение народов идет не только внутри территории бывшего СССР, но и из-за его пределов.

Сейчас следует действовать методами дипломатическими, экономическими, хозяйственными для помощи нашей новой диаспоре. Необходимо сделать все, даже при отсутствии средств у России, чтобы поддержать большие группы русского населения, проживающие в Казахстане, Прибалтике: финансировать создание для них национально-культурной автономии, открытие школ, университетов для сохранения возможности обучения на русском языке, защитить от дискриминационной политики, осуществляемой и даже законодательно оформленной в некоторых государствах.

Д. Грушкин. *Ваше отношение к процессу реинтеграции?*

А.Ш. Здесь все будет зависеть от готовности населения, которое должно высказаться на референдуме свое желание жить в общей семье народов и в союзе территорий. После этого государственные, политические и другие организации должны отрегулировать экономические и политические вопросы, возникающие в связи с объединением, выстроить систему общей безопасности. Процесс этот мне видится постепенным, торопиться ни к чему.

Итак, Россия и Белоруссия, допустим, объединились. Потом, на каком-то этапе

развития международной политической ситуации или в силу внутренних изменений появляется желание у другого народа, любой другой республики, войти, вначале на конфедеративной основе, в состав этого образования. Дальше, если станет ясно, что это жизнеспособное, развивающееся и укрепляющееся образование, в него могут влиться и другие государства. Могут появиться анклав федерации. Процесс может быть многоуровневым, причем на разных этапах могут образовываться связи разного типа. Как было в царской России: положение Польши, Финляндии и даже Бухарского ханства отличалось от статуса губерний Российской империи. То же самое возможно и при новой интеграции.

В.Ф. *Мне это представляется фантазией. На мой взгляд, тюркский, мусульманский мир постепенно будет уходить в центральноазиатскую цивилизацию. Возможен ли, по-вашему, процесс сближения с нашими западным соседями?*

А.Ш. Теоретически возможен, но практически сегодня неосуществим. Западные страны сначала создали своего рода санитарный кордон из стран бывшего Варшавского Договора, а теперь делается попытка интегрировать их в НАТО. При этом в стороне остаются Болгария и Югославия, которые на каком-то этапе могли бы войти в конфедерацию. Конечно, она должна формироваться вокруг славянского ядра. В принципе такое возможно, но это отдаленная перспектива, а ближняя – это славянские государства бывшего Советского Союза и Казахстан, где славянского населения много больше, чем, допустим, в Узбекистане, Киргизии или Туркмении. Однако новая конфедерация возникнет только тогда, когда появится сильное ядро.

Д.Г. *А не угрожает ли нам перспектива распада самой России?*

А.Ш. Такая опасность есть, процесс дезинтеграции сегодня по сути уже идет. Разноуровневая федерация – это первый толчок, который может привести к распаду России, потому что, говоря языком современных политологов, национальные элиты рвутся к такому суверенитету, который разрывает тело России. Чечня – только первая ласточка.

В.Ф. *Что, на ваш взгляд, может ускорить распад и сделать его необратимым?*

А.Ш. Серьезную проблему представляет возможность резкого усиления экономической и культурно-духовной экспансии с юга, в первую очередь – со стороны Турции. Дуга, которая проходит через мусульманские республики российского Поволжья и Казахстан, может вспыхнуть в любой момент и разорвать живое тело России. Уход каких-то территорий из состава России вызовет волну бытового национализма среди русских, который пока сдерживается. Именно русский народ и есть та «скрепа», которая не дает развалиться нашему государству, он истинно «старший брат», и бояться говорить об этом не надо. Интернационализм русского народа – действенное противоядие от ксенофобии. Но можно спровоцировать проявления бытового национализма, чреватые опасностью тирании.

Е.Ф. *Как остановить процесс депопуляции в России?*

А.Ш. Депопуляция русского народа началась раньше, чем у большинства других этносов, живших на территории СССР. Сейчас она приобрела угрожающий характер в результате неправильной экономической, хозяйственной, культурной политики, длительно проводившейся по отношению к центральной России, – основной территории нашего государства. Такая политика и обрекла его на медленное вымирание, поскольку все ресурсы – и материальные, и людские – десятилетиями перекачивались в другие регионы. Этот процесс необходимо как можно скорее остановить жесткими государственными мерами, пока он не принял необратимого характера.

Февраль 1997 г.

Political Leaders Speak about the Nationalities Question

The issue publishes the interview with the Chairman of Central Executive Committee of KPRF, the leader of KPRF fraction in State Duma G.A. Zyuganov and the Vice-chairman of CEC KPRF, the deputy of State Duma A.A. Shabanov.